

Провалил все, что можно было провалить

Мы говорим: «Сталин», подразумеваем — «Победа»; мы говорим: «Победа», подразумеваем — «Сталин». Увы, это не преувеличение. Однажды я имел неосторожность оказаться участником ток-шоу на телеканале НТВ, приуроченного к очередному юбилею «великого вождя». Мнения участников, как и следовало ожидать, полярно разделились, но даже те, кто товарища Сталина изрядно недолюбливает, начинали со слов: «Да, конечно, имя Сталина неразрывно связано с нашей Великой Победой...»

О подлинной государственной мудрости

Что можно против этого возразить? Ничего. Так же, как из разложенных на столе узлов автомата Калашникова нельзя собрать ничего другого, кроме автомата. В рамках той логики, той картины мира, в которой 22 июня 1941 года произошло некое стихийное бедствие — вроде разрушительного землетрясения или падения Тунгусского метеорита, — а в результате созданных этим стихийным бедствием обстоятельств непреодолимой силы армия иноземных захватчиков внезапно оказалась у берегов Волхова, Волги и Терека, товарищ Сталин предстает подлинным спасителем Отечества. Лепет по поводу «цены победы» выглядит на этом фоне воистину убогим и жалким. Дорого? Поражение обошлось бы дешевле?

Все меняется, если приложить некоторое интеллектуальное усилие и вспомнить о том, что история мира, Европы, России, СССР, да и история самой Второй мировой войны началась не 22 июня 1941 года, а гораздо раньше. И уж совсем ничего не остается от привычно повторяемых благоглупостей, стоит лишь задать себе простой вопрос: «А с каких это пор мудрость государственного руководителя стала измеряться умением изгнать неприятеля с родной земли?» С очень и очень большой натяжкой подобным образом можно обозначить задачу военачальника — впрочем, и устав, и здравый смысл подсказывают, что вооруженные силы должны предотвратить возможное вторжение и разгромить противника на его территории, отнюдь не допуская превращения собственной страны в сплошное пепелище.

«Война — плохой бизнес. Даже победитель должен понести столь огромные затраты до, во время и после войны, что становится намного дешевле достигнуть своих целей в мирное время». Не буду смущать читателя указанием автора этих слов, в любом случае с ними трудно не согласиться. Государство, правительство, политический лидер обязаны обеспечить безопасность страны, неприкосновенность ее границ, мир и спокойствие для своих граждан. В умении решить эту задачу мирными средствами, без стрельбы и пролития крови, как раз и проявляется подлинная государственная мудрость.

С таких позиций становится очевидным, что европейские лидеры 30-х годов — все без исключения, не один только Сталин — со своей первейшей обязанностью не справились. В этом смысле все они заслужили жирную двойку. Разница лишь в том, что никому в современной Франции или Англии не придет в голову объявить национальным героем Даладье или Чемберлена — эти имена стали символом националь-

ного позора. Впрочем, и двойки, и ошибки бывают разными, недопустимым лицемерием будет утверждение о том, что лидеры демократических стран Запада и Сталин несут равную ответственность за возникновение общеевропейской (а затем и мировой) войны.

Даладье и Чемберлен стремились сохранить мир в Европе. В сентябре 1938 года в Мюнхене они приняли глупую (потому как уступки только разжигали аппетит Гитлера), трусливую (обладая значительной военной мощью, они могли диктовать свои условия, а не соглашаться на наглые требования нацистов) и подлую (расплачиваться они собирались территорией и безопасностью Чехословакии) попытку предотвратить возникновение войны. Менее чем через год их глупость и трусость были «вознаграждены» по достоинству. «Ошибки» (в данном случае кавычки будут вполне уместны) Сталина были совершенно другого свойства. Строго говоря, Сталин-то как раз добился своего — он всеми силами стремился к войне, подталкивал ее, как только мог, и большая война в Европе разгорелась.

Миф о «вражеском окружении»

Известный психологический феномен заключается в том, что событие произошедшее начинает восприниматься как единственно возможное. Мы знаем, что Вторая мировая война состоялась, это знание чрезвычайно мешает в понимании того, что на рубеже 20–30-х годов такая война могла показаться чем-то совершенно невозможным. Кому и с кем было воевать? Кто, в частности, мог угрожать Советскому Союзу?

В центре Европы находилась разоренная войной и поражением Германия, по условиям Версальского договора ей запрещалось иметь военную авиацию, танки, тяжелую артиллерию, подводный флот.

Количество соединений в сухопутных войсках было ограничено 10 дивизиями (по численности личного состава скорее соответствующими тому, что называется «пехотная бригада»), на вооружении которых не могло быть артиллерии калибра более 105 мм. Даже число снарядов на одно орудие ограничивалось 1000 выстрелов. Такая «армия» была способна решать лишь задачи подавления внутренних беспорядков, в войне же с внешним противником ей бы пришлось капитулировать через 10-15 дней хотя бы по причине полного израсходования боеприпасов.

К западу от Германии (то есть еще дальше от СССР) находилась тяжело травмированная психологически Франция. Огромные жертвы, понесенные французской армией в годы Первой мировой войны, сформировали в обществе стойкие пацифистские настроения («никогда больше»), военный бюджет страны тратился главным образом на сооружение «великой французской стены» (цепи укрепрайонов линии Мажино). Военная стратегия Великобритании по-прежнему основывалась на идее использования «удавки» морской блокады. Применительно к Германии, которая импортировала продовольствие, половину потребляемой железной руды, почти всю нефть и руду цветных металлов, это был действенный инструмент давления, для Советского Союза с его колоссальными сырьевыми ресурсами заморский импорт никогда не был критичным.

Непосредственными соседями СССР на западе были четыре государства: Эстония, Латвия, Польша, Румыния. Единственным заслуживающим упоминания потенциальным военным противником могла считаться лишь новая возникшая Вторая Речь Посполитая. Впрочем, армия этой страны, в пять раз уступавшей Советскому Союзу по численности населения, раздираемой острым межнациональным конфлик-

том, уже к середине 30-х годов безнадежно уступала по своему военному потенциалу Красной Армии.

Вот такая в реальности сложилась ситуация с «вражеским окружением» и «бряцающим оружием международным империализмом». Легко ли было в подобной обстановке разжечь пожар европейской войны? Но большевики и не искали легких путей...

Секрет Полишинеля

В 1932 году (Гитлер тогда еще только кричал на митингах) начальник Главного штаба Красной Армии, будущий маршал Александр Егоров подготовил доклад, в котором, кроме всего прочего, ставилась задача обеспечить развертывание советских ВВС в составе 32 тыс. самолетов, в том числе 8 тыс. тяжелых и 9,5 тыс. легких бомбардировщиков. Это для чего? Для обороны от гипотетически возможной коалиции Франции, Польши и Румынии, на вооружении которых в тот момент не было и одной двадцатой от такого феерического парка бомбардировщиков? В то время, когда «французские империалисты» зарывали военный бюджет в подземные бетонные казематы, а германский рейхсвер проводил полевые учения с фанерными макетами танков, в советских штабах разрабатывалась теория «глубокой наступательной операции». И не только теория, создавался соответствующий этой задаче инструмент — колоссальные по численности танковые войска.

Уже в 1932 году было принято наставление «Вхождение в бой самостоятельных механизированных соединений», а к концу 1935-го в составе РККА насчитывалось 4 мехкорпуса и 18 отдельных танковых бригад. В следующем, 1936-м, количество танковых бригад выросло до 30. И вооружались они, разумеется, не фанерными макетами. По состоянию на 1 января

1934 года советский танковый парк составлял 7574 машины. Три года спустя, к 1 января 1937-го, мирный созидательный труд советского народа увеличил количество танков в Красной Армии до 17280 единиц. Даже после того как ведущие европейские державы опомнились от «пацифистской спячки», летом 1939-го Красная Армия по числу танков (и это не считая пулеметные танкетки Т-27 и легкие плавающие Т-37/38) в два раза превосходила армии Германии, Франции и Англии вместе взятые.

Строго говоря, уже одни эти грандиозные военные приготовления СССР становились фактором, опасно дестабилизирующим обстановку в Европе. И если бы только одни эти... Судороги военного психоза, отчетливо видимые даже с дальнего расстояния, сотрясали Страну Советов. Никаких «плащей и кинжалов», никаких «секретных пакетов» не требовалось правительствам Запада для того, чтобы услышать слова бодрой красноармейской песни: «Мы разжигаем пожар мировой, / Церкви и тюрьмы сровняем с землей». В обычных газетных киосках продавался журнал «Красная новь» (№ 1, 1921), в котором будущий председатель Реввоенсовета СССР Михаил Фрунзе писал: «Границы возможного грядущего фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка Старого Света». На весь мир с трибуны Мавзолея нарком обороны СССР Климент Ворошилов заявил: «Советский народ не только умеет, но и, можно сказать, любит воевать». За несколько десятков копеек любой шпион мог купить билет в кино и наслаждаться просмотром советского фильма «Великий гражданин», главный герой которого (его прообразом был Сергей Киров) говорит: «Лет через двадцать, после хорошей войны, выйти да взглянуть на Советский Союз республик эдак из тридцати, сорока...» И уж совсем бесплатно каждый мог разглядывать советский герб, в изобра-

жении которого серп и молот накрывали весь земной шар.

Ничуть не скрываясь, наоборот — громко заявляя о том, что «всемирный пролетарский штаб находится в Москве», работал Коминтерн, компартии, действующие во многих странах Европы вполне легально, откровенно называли себя «секциями» этой наднациональной организации. Наконец, неподдельный страх вызывали у западного обывателя приходившие с востока слухи о массовых внесудебных репрессиях, концлагерях, голодоморе, расстрелах и пытках. Нет, конечно, поверить в реальность подобных ужасов серьезные положительные люди (особенно из числа так называемой прогрессивной интеллигенции) не могли, но определенное настроение эти «слухи» создавали. То самое настроение, в силу которого ведущие политические лидеры Запада заматались в запад-не между почти физическим отвращением к Гитлеру и нацистам с одной стороны и желанием создать хоть какой-то барьер на пути неотвратимого наступления Сталина — с другой.

Гениальный манипулятор

Можно и нужно обсуждать вопрос о том, в какой мере директивы Коминтерна (то есть приказы Сталина), нацелившие немецкую компартию на борьбу против социал-демократов, проложили Гитлеру дорогу к власти. Очень много неясного остается в истории «миссии Канделаки», то есть предпринятой в 1936 — начале 1937 года первой попытки заключить политический союз с нацистской Германией, отнюдь не однозначной была и позиция Москвы в период «мюнхенского кризиса» осенью 1938 года. В любом случае, независимо от того, в какой именно момент истории Сталин сделал окончательную ставку на Гит-

лера, «кремлевский горец» вполне оценил возможности, открывшиеся после того, как абсолютную власть в Германии захватил агрессивный параноик. Оценил и использовал сполна.

О событиях лета 1939-го написано и сказано уже очень много (благо и прошлый год был «юбилейным»). Конечный вывод сомнений не вызывает — трудно найти в долгой политической биографии Сталина пример другого столь же масштабного, быстрого и ошеломляющего успеха. Одним коротким ударом Сталин перемешал все фигуры на общеевропейском поле и оставил англо-французский блок (руководители которого к тому моменту уже успели дать Польше официальные гарантии военной помощи!) один на один с берлинским диктатором. «Совсем неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались...» — такими словами 7 сентября 1939 года, через неделю после начала долгожданной европейской войны, товарищ Сталин разъяснял задачи момента лидеру Коминтерна Георгию Димитрову.

Никита Хрущев пишет в своих мемуарах: «Он буквально ходил гоголем, задравши нос, и буквально говорил: “Надул Гитлера! Надул Гитлера!”» Увы, грандиозный успех вскружил голову товарищу Сталину. И уже с осени 39-го он начинает совершать одну ошибку за другой.

А за ошибки ответил народ

Развязанная «великим вождем» едва ли не из одного только упрямства («Пора обуздать ничтожную блоху, которая прыгает и кривляется у наших границ», как писала в те дни газета «Правда») «малень-

кая победоносная война» с Финляндией привела к тяжелейшему политическому поражению. Советский Союз был исключен из Лиги Наций, президент США Рузвельт распространил на СССР действие так называемого морального эмбарго (запрет на продажу авиационной техники и технологий странам-агрессорам). Взаимоотношения с будущими союзниками по антигитлеровской коалиции Сталин умудрился довести до такой точки кипения, когда в англо-французских штабах рассматривались планы бомбовых ударов по нефтепромыслам Баку, а злосчастную Зимнюю войну пришлось остановить в тот момент, когда первый эшелон направляемого на помощь финнам экспедиционного корпуса союзников уже грузился на корабли.

Дальше — больше (то есть гораздо хуже). В июне 40-го, вместо того чтобы спасти остатки французского фронта от окончательного краха, Сталин занялся мелким мародерством в Прибалтике и Бессарабии (падение Парижа и предъявление советского ультиматума правительству Литвы произошли в один и тот же день — 14 июня). Сталинское руководство оказалось совершенно неспособным оценить и должным образом отреагировать на радикальное изменение военно-политической ситуации, произошедшее летом 1940 года. Западный (по отношению к Германии) фронт, тот самый Второй фронт в Европе, об открытии которого Сталину предстоит в дальнейшем долго упрашивать союзников, был потерян безо всякого противодействия со стороны СССР. Более того — потерян с восторгом! Беседа 13 июня 1940 года с послом фашистской Италии Россо, глава советского правительства Вячеслав Молотов заявил: «После серьезных ударов, полученных Англией и Францией, не только их сила, но и престиж упал, и господство этих стран идет к концу. Следует полагать, что голоса Германии

и Италии, а также и Советского Союза будут более слышны, чем хотя бы год назад».

К роковому июню 1941 года Сталин привел страну в состояние полной международной изоляции (единственным союзником могла считаться Монголия). При попустительстве (если не при прямой поддержке) со стороны СССР Гитлер смог установить контроль над промышленными и сырьевыми ресурсами большей части континентальной Европы и развернуть сухопутную армию в составе более 200 дивизий. Маленькая, но не добитая до конца Финляндия благодаря поставкам вооружения из Германии и огромному, никем из участников мировой войны не превзойденному мобилизационному напряжению смогла сформировать 16 дивизий, которые позднее нанесли сокрушительное поражение войскам Красной Армии и замкнули с севера кольцо сухопутной блокады Ленинграда.

Отношения с единственной реально воюющей против Германии страной (Англией) были доведены до такого состояния, что посол Криппс несколько месяцев безуспешно добивался встречи с наркомом иностранных дел СССР. Убедившись в тщетности своих попыток, он через Вышинского (на тот момент — заместителя Молотова по НКВД) передал 18 апреля 1941 года письменное заявление, в котором, в частности, было сказано: «Правительство Великобритании все еще видит себя вынужденным рассматривать Советский Союз в качестве главного источника снабжения Германии... В свете изложенных выше соображений у меня есть желание спросить, заинтересовано ли ныне советское правительство в проведении в жизнь немедленного улучшения его политических и экономических отношений с правительством Великобритании или же, наоборот, советское правительство удовлетворится тем, чтобы эти отношения сохранили свой теперешний, вполне отрицательный характер...»

Первый ответ на свой вопрос Криппс получил немедленно («По вопросу о неприкосновенности и безопасности СССР я сказал Криппсу, что об этом позаботится сам СССР, без помощи советчиков»). После этого с послом Великобритании в Москве вообще перестали разговаривать. 6 июня Криппс был отозван в Лондон «для консультаций с правительством» — на дипломатическом языке это означает последнюю ступень перед разрывом отношений. На момент 22 июня 1941 года в советской столице вовсе не было английского посла (!), а Его Величество короля Георга VI представлял секретарь посольства Баггалеи в ранге «временного поверенного в делах».

Провалив все, что только можно было провалить, политический банкрот Сталин довел ситуацию до того, что спасти страну должна была армия. И вот тут-то его ждала самая страшная неожиданность: оказалось, что огромные горы накопленного за десять лет оружия сами по себе являются лишь мертвым металлом, что насмерть запуганные в 37-м году красные генералы профессионально непригодны, что далеко не все красноармейцы благодарны товарищу Сталину за счастливое колхозное детство. Много чего еще пришлось узнать и понять к тому моменту, когда фронт откатился от Бреста до Москвы и Тихвина.

Очень может быть, что никто иной, кроме Сталина, не смог бы заставить воевать эту разваливающуюся на глазах армию. Очень может быть, что никаких других методов, кроме беспощадных массовых расстрелов, заградотрядов, репрессий против родственников сдавшихся в плен командиров, уже не оставалось. Штангенциркуль, которым можно измерить «что было бы, если бы...», еще никто не придумал. Поэтому я готов немедленно, без спора согласиться — да, никто, кроме Великого Сталина, не смог бы вытащить страну из той ямы, в которую он же ее и загнал.

ПРОСТО КИНО

К сожалению, в предисловии к аннотированному каталогу советских фильмов 1961 года выпуска мне не удалось найти внятный ответ на вопрос о том, когда именно были написаны аннотации к фильмам: в момент их выхода на экраны страны или значительно позднее, при формировании каталога? Другими словами — до или после того, как «Отец народов» был объявлен «не отцом, а сукою».

Судя по тому, как авторы аннотаций гневно обличают и беспощадно бичуют подлую банду троцкистско-бухаринских убийц (примерно треть всех фильмов 1936—1940 годов выпуска посвящена «теме воспитания бдительности советских людей»), все это писалось еще при живом вожде; с другой стороны, в нескольких местах появляются горестные вздыхания о «влиянии обстановки культа личности». Как бы то ни было, на интересующую меня тему (морально-психологическая подготовка народонаселения к будущей войне) эти нюансы могли повлиять лишь в самой малой степени — хоть до XX съезда КПСС, хоть после него никаких сомнений в неизменной правоте и единственной верности внешней политики партии и советского правительства публично не высказывалось.

От пессимизма к оптимизму

Самым первым из найденных мной оказался фильм «Возможно, завтра» («Украинфильм», Киев, 1932 год). Про что кино? «О готовности советского народа отразить нападение любого врага».

Название-то бодрое, а содержание весьма мрачное. Да и о какой «готовности» можно было говорить в тот момент? На конец 1932 года в Красной Армии числилось всего лишь два механизированных корпуса, пять механизированных бригад, 14 отдельных танковых и механизированных полков, 15 отдельных танковых батальонов, 69 механизированных и танкетных дивизионов. Чем тут отражать нападение кровожадных польских панов?

Может быть, поэтому никаких «панов» в кино и нет вовсе: «Фашисты (так в тексте аннотации, в реальной истории фашисты у власти в 1932-м были разве что в Италии, с которой СССР поддерживал разнообразные дружеские связи. — *М.С.*) развязывают войну против Советского Союза. Нападение врага прерывает мирный труд советских людей. Сотни ударников производства вступают в Красную Армию. На фронт уходят красноармейские части, колонны танков, отряды народного ополчения. Над советским городом появляются самолеты врага, вздымаются черные разрывы бомб. По улицам движутся скорбные похоронные процессии первых жертв войны. В конце фильма на экране появляется рабочий, обращающийся к зрителям с призывом быть готовым к войне, которая еще не наступила, но, возможно, завтра наступит».

Фильм, можно сказать, пророческий: одно только упоминание о «народном ополчении» чего стоит! Создатели ленты ошиблись лишь в одном — в реальном завтра никаких «скорбных похоронных процессий» не будет, не для всех жертв войны найдется даже место в так называемом санитарном захоронении, позднее названном поэтами «братская могила»...

1933, 1934, 1935 годы... Гитлер приходит к власти, Германия — сначала тайно, а затем уже и открыто — отказывается соблюдать ограничения, наложенные на нее по условиям Версальского договора, и начинает

бешеным темпом вооружаться. Однако ни одного фильма на военно-патриотическую тематику за эти три года на советские экраны не выходит (по крайней мере, их нет в каталоге). Похоже на то, что в Кремле глубоко и надолго задумались.

29 апреля 1936 года на экраны страны выходит фильм «Родина зовет» («Мосфильм», режиссеры — К. Крумин и А. Мачерет). Главная идея картины сформулирована авторами аннотации практически в тех же словах, что и четыре года назад: «О готовности советских людей по первому зову Родины встать на ее защиту от фашистских агрессоров». Идея старая, а вот ее художественное воплощение совсем новое: на удар вражеских бомбардировщиков Родина отвечает уже не одними только «скорбными похоронными процессиями».

«Вероломное нападение предпринято с очевидной целью — посеять среди советских людей панику (что-нибудь всерьез сломать и разрушить врагу не по зубам, только напугать. — *М.С.*). Но враг просчитался. Весть о фашистской агрессии наполняет гневом сердца. Как призыв к борьбе звучит «Интернационал». Рабочие спешат в цеха заводов, комсомольцы — на сборный пункт, пионеры — на внеочередной слет (вот уж он-то нагонит панику на врага. — *М.С.*). Партийный комитет (вы думаете — уходит в полном составе на фронт? Не угадали. — *М.С.*) назначает экстренное заседание... Объятые пламенем, врезаются в землю фашистские бомбовозы. Медленно оплывает фашистская свастика на горящем хвосте самолета».

На земле, в небесах и на море...

Оставшиеся 8 месяцев 1936 года и весь 1937 год не приносят советским людям ни одного нового фильма про скорую победу в будущей войне. И это притом,

что вполне реальная война с фашистами, причем с участием советских летчиков и танкистов, полыхает на истерзанной земле Испании.

Заканчивается страшный 37-й, начинается не менее кровавый 38-й год. 23 февраля, в так называемый День создания Красной Армии, на экраны выходят сразу два фильма: «Если завтра война», ставший легендой (в огромной степени благодаря песне братьев Покрасс на слова Василия Лебедева-Кумача, «Мосфильм», режиссер Ефим Дзиган) и «Глубокий рейд», оставшийся в тени своего знаменитого ровесника («Мостехфильм», режиссер Петр Малахов).

«Фашисты объявляют войну» — вот на такой, удивительной по своему оптимизму и наивности ноте начинается аннотация к фильму Дзигана. «На защиту социалистического отечества поднимается весь советский народ — от мала до велика. Идет запись добровольцев на предприятиях. Под боевые знамена становятся миллионы патриотов... Получен приказ: прорвать фронт противника и разгромить врага на его собственной территории... Начинается генеральное сражение. Танки, преодолевая заграждения фашистов, дают их орудия. С возгласами «За советскую Родину!», с мощным «Ура!» наши бойцы устремляются в атаку...»

Перед «генеральным сражением», как в былинные времена Куликовской битвы, перед воинством выступает Главный Полководец, в данном случае — нарком обороны Клим Ворошилов, и произносит он такие слова: «От имени нашего Рабоче-Крестьянского Правительства Союза приветствую вас и передаю от них братский, пламенный привет. Товарищи, Рабоче-Крестьянская Красная Армия — это только передовой отряд нашего доблестного народа. Он первый должен принять удар на себя, но за нами стоят миллионы и миллионы нашего народа! Неоднократ-

ные наши заявления о том, что навязанная нам война будет происходить не на нашей Советской земле, а на территории тех, кто осмелится первый поднять меч. Это заявление остается постоянным, неизменным, оно в силе на сегодняшний день. Товарищи, эти наши слова были бы пустым потрясением эфира, если бы за ними не стояла действительная сила Рабоче-Крестьянской Красной Армии и нашего могущественного, великого Советского народа!»

Текст (я его цитирую по фонограмме) очень косноязычный, ключевая фраза («...война будет происходить... на территории тех, кто осмелится первый поднять меч») вообще неправильно построена — такое впечатление, что писал это сам Ворошилов. А вот знаменитая песня из фильма представляет собой уникальный образец того, как талантливый человек может перевести на язык поэзии... Полевой устав! «И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью, могучим ударом» («п. 2. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории; п. 23. Мощные удары Красной Армии должны вести к полному уничтожению врага и быстрому достижению решительной победы малой кровью»). «Полетит самолет, застрочит пулемет, / Загрохочут могучие танки, / И линкоры пойдут, и пехота пойдет, / И помчатся лихие тачанки» («п. 12. Современный бой ведется различными по своим свойствам родами войск и требует тщательной организации их совместных действий»)...

События, описанные в фильме «Глубокий рейд», не столь масштабны — действующими лицами становятся всего лишь ТРИ эскадрильи (а не «миллионы патриотов»), но сокрушительно победоносны.

«Мирно протекает жизнь советского города... Неожиданно воздушные силы соседнего государства нападают на СССР... Советская авиация получает

боевое задание. Три эскадрильи направляются в глубокий тыл вражеской страны... Воздушные силы противника разгромлены, его военная промышленность парализована (три эскадрильи. — М.С.). Советские наземные силы, используя успех авиации, прорывают фронт противника. Советские танки и конница наносят смертельный удар врагу».

1 декабря 1938 года на экраны вышел фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». Тот самый, после которого два поколения советских людей пребывали в полной уверенности, что евангельская фраза (Евангелие от Матфея, гл. 26, ст. 51, 52) «взявший меч от меча и погибнет» принадлежит новгородскому князю, а содержащееся в ней предостережение относится только к врагам русской земли. В результате смиренный призыв к миролюбию и милосердию превратился в некий аналог «кто нас обидит — двух дней не проживет!».

Непосредственно к теме будущей войны это кино вроде бы отношения и не имеет, однако следует отметить его явную антигерманскую направленность и отнюдь не тривиальный для раннесоветской мифологии тезис о том, что «свой», русскоязычный феодал и эксплуататор (причем отнюдь не кроткого нрава!) лучше чужеземного рыцаря, который «пес» уже просто по определению...

К следующему Дню Красной Армии был выпущен очередной «оборонный» фильм «Танкисты» («Ленфильм», режиссеры З. Драпкин и Р. Майман, выход на экран — 21 февраля 1939 года). Нет, конечно, настоящие танкисты появились и навсегда остались в памяти народной благодаря двум гениальным песням («Три танкиста» и «Броня крепка, и танки наши быстры»), музыка братьев Покрасс, стихи Бориса Ласкина) чуть позднее, 3 июля 1939 года, в фильме Ивана Пырьева «Трактористы» (Сталинская премия 1-й степени). «Танкисты» получились несравненно слабее, да и Ле-

бедев-Кумач подкачал, не выдавив из себя ничего лучшего, чем трафаретное: «С небес самолеты, линкоры с морей, / С земли ураганный огонь батарей / И танков советских могучий отряд / Врага опрокинут и в прах обратят»... Но нас в данном случае интересуют не художественные достоинства формы, а суровая логика содержания, которое сформулировано авторами аннотации в суконной фразе: «О действиях советских танкистов в возможной боевой обстановке».

Действия и обстановка следующие:

«Советская граница. Внезапный налет вражеской авиации на город Красноармейск. Советская танковая группа получает задание перейти на территорию агрессора и разгромить его главные силы, сосредоточенные у города Энсбурга. Вражескими силами командует фон Бюллер, хитрый и расчетливый генерал... Советские танки форсируют реку и наносят удар по правому флангу неприятеля. Войска фон Бюллера разгромлены наголову...»

Еще раз напомним: фильм вышел на экраны страны в феврале 1939 года. На тот момент вдоль всей западной границы СССР (тогда это была граница с Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией) не было никаких «энсбургов», а среди военачальников Польши (единственной из вышеприведенного списка страны, которая хотя бы теоретически могла напасть на СССР) трудновато было бы найти «генерала фон Бюллера». «Возможная боевая обстановка» оказалась совершенно невозможной в реальной геополитической ситуации, что, однако, не помешало «Танкистам» пройти все виды цензур и получить доступ к зрителю.

Через несколько месяцев, 7 июня 1939 года, на афишах кинотеатров появляется «Эскадрилья № 5» (Киевская киностудия, режиссер Абрам Роом). «О будущей войне Советского Союза с фашистской Германией» — вот так, просто и без сантиментов, определяют его со-

держание авторы аннотации. Сразу же отмечу, что это последний из фильмов «о будущей войне», созданных до того, как Большая война пришла в Советский Союз. Да и этот фильм продержался на экранах недолго — после заключения пакта Молотова — Риббентропа его «положили на полку». На долгие-долгие годы.

Последний оказался и самым решительным — это первый фильм, в котором советское командование не пассивно ждет нападения врага, а само наносит сокрушительный первый удар: «Органами советской разведки перехвачен приказ высшего командования фашистской Германии о переходе советской границы. Подорвав на минных полях танки вторгнувшегося врага, наши войска переходят в наступление. На бомбежку фашистских аэродромов вылетают тысячи советских самолетов...»

Фашистские аэродромы уничтожены одним махом, да только враг стал более коварным и построил подземный аэродром! Вот с ним-то и расправляется героическая эскадрилья № 5...

Не надо бояться

После подписания Пакта творческий поток резко обмелел. Ни одной значительной новой ленты. В вышедшем на экраны 29 ноября 1939 года (акkurat за день до начала финской войны) фильме Киевской киностудии «Истребители» весь конфликт крутится вокруг достаточно заурядного «любовного треугольника», и ничем, кроме задушевной песни Никиты Богословского («Любимый город может спать спокойно»), это кино не запомнилось.

В зале стало скучно: про разгром «генерала фон Бюллера» снимать было уже нельзя, антианглийских фильмов (что-нибудь вроде британского линкора, темной ночью крадущегося к советскому побережью) так и не появилось — факт отнюдь не тривиальный, при-

нимая во внимание конкретное содержание оперативных планов армии и флота Страны Советов. Не успели? Не захотели бесповоротно «сжигать мосты»? Еще одна загадка истории...

Если попытаться выжать из всего вышеперечисленного некую логическую цепочку, то можно констатировать следующее. Выводя за рамки совсем уже допотопный (1932 год) и мрачный фильм «Возможно, завтра», общий настрой советского кино можно оценить как неизменно оптимистический. К войне надо готовиться, но ее не стоит бояться! «Наша воля крепка и врагу никогда...»

Да и на большее, чем мелкие пакости тактического масштаба (под покровом ночной тьмы и тумана перейти границу у реки), киношные «самураи» неспособны. Как голодные волки, враги оставляют следы у границ СССР, но пересечь эту границу удается лишь авиации, да и то один первый раз. Напротив, мощь и масштаб ударов Красной Армии от фильма к фильму нарастают — от трех эскадрилий до тысяч самолетов, от внеочередного пионерского слета до мобилизации многомиллионной армии («Если завтра война, / Всколыхнется страна / От Кронштадта до Владивостока»).

На фоне этой несокрушимой мощи нелепые потуги врагов (иногда прямо называемых «фашистами») нанести первый слабенький ударчик выглядят жалким фиговым листком, долженствующим хоть как-то прикрыть срам несоответствия твердо выраженного намерения воевать на чужой земле с поэтической строкой «чужой земли мы не хотим ни пяди».

Один маразм плюс две драмы

Ну это все фантазии, сны о триумфальном марше в будущей войне. А как отразились на советском экране войны реальные — испанская и финская?

Испанская, продолжавшаяся без малого три года, — почти никак. Слово «почти» я вынужден употребить потому, что в каталоге отмечен-таки фильм одесской «Первой комсомольской киностудии» (что это?) под выразительным названием «Педро». На короткометражный (35 минут экранного времени) фильм израсходовали всего-то 1003 метра пленки, но и ту жалко до слез.

Юный патриот Педро (мать погибла под бомбежкой, отец сражается в рядах республиканской армии) каким-то непостижимым образом оказывается в качестве поваренка на крейсере мятежников! «Педро решает взорвать его. Маленький патриот высыпает ведерко (так в тексте аннотации, не ведро, а именно «ведерко». — М. С.) горящих углей в трюм, где хранятся снаряды». Это все взрывается, крейсер тонет, а наш пострел как ни в чем не бывало приплывает на берег, где встречается с отцом и его боевыми товарищами.

Этот киномаразм вышел на экраны 30 апреля 1938-го — до гибели Испанской республики оставалось уже меньше года...

Незнаменитая и страшно кровавая (127 тысяч человек только безвозвратных потерь) Зимняя война с Финляндией не нашла сколь-нибудь значительного отражения в советском кино. Вышло всего полтора фильма: короткометражная киноновелла «Галя» и полнометражная картина «Фронтовые подруги». И первая, и вторая сняты на «Ленфильме» и оптимизмом не блещут (может быть, это связано с тем, что Ленинград был слишком близко от зоны боевых действий, городские больницы были переполнены ранеными и обмороженными, и никакой грохот победных литавр скрыть эту трагическую действительность от жителей города не смог).

«Галя» (режиссер Надежда Кошеверова, 1940 год) — это рассказ про юную девушку, дочь скульптора. Отец

ушел добровольцем на фронт да там и сгинул. В опустевшей мастерской осталась незаконченная скульптура красноармейца. Галя приходит туда по ночам и сама завершает работу, придавая изваянию черты своего отца. Скульптура выставлена на суд публики, критики в восторге, и тут, конечно же, появляется счастливо избежавший гибели и плена отец Гали.

«Фронтовые подруги» (режиссер Виктор Эйсымонт) вышли на экран 19 мая 1941 года. До Великой Войны оставался всего один месяц. В следующем, 1942 году фильм был удостоен Сталинской премии 2-й степени, и я могу предположить, что большинство зрителей и критиков даже не заметили, про какую именно войну снималось кино. По крайней мере, содержание «Фронтовых подруг» абсолютно контрастирует с бодро-слащавыми «Танкистами» и «Эскадрильями». Главная героиня — ленинградская комсомолка Наташа вместе с подругой записывается в добровольную сандружину и уходит на финский фронт. На фронте все совсем не по-детски: госпиталь бомбят самолеты врага (ни в реальности, ни в восприятии зрителей это не могла быть финская авиация), подруга Наташи гибнет, сама главная героиня узнает о гибели жениха, влюбляется в тяжело раненного разведчика, уходит на передовую, получает тяжелое ранение. В финале авторы все же пожалели девушку и вернули ей одного из мужчин живым и относительно здоровым. Такая вот не слишком веселая история...

ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ ГИТЛЕРА

В ночь с 14 на 15 ноября 1940 года немецкая авиация обрушила 450 тонн фугасных и зажигательных бомб на английский город Ковентри. В результате налета были разрушены двенадцать предприятий авиационно-промышленного комплекса, под руинами сгоревших зданий погибли сотни мирных жителей. Несомненный тактический успех люфтваффе не мог, однако, скрыть факт тяжелейшего поражения стратегического масштаба, которое осенью 1940 года потерпела Германия.

Летом 1940 года гитлеровская Германия находилась в зените славы и могущества. Череда бескровных (или, напротив, устрашающе-кровавых) побед Третьего рейха, начавшаяся с поглощения Австрии и оккупации Чехии, закончилась парадным маршем вермахта под сводами Триумфальной арки в Париже. То, чего армия кайзера Вильгельма не смогла добиться за четыре года изнурительной войны, армия ефрейтора Гитлера совершила за пять недель. Теперь оставалось только покончить с запертой на своем острове Британией. Упрямое нежелание Черчилля сдаться на милость победителя так рассмешило нацистского главаря, что в одном из своих публичных выступлений он сравнил британского премьер-министра с петухом, которому уже отрубили голову, а он все еще бегаёт по двору на слабеющих ножках...

Чувство глубокого удовлетворения демонстрировал и могучий партнер Гитлера. Беседа 13 июня

1940 года (через день после того, как Париж был объявлен «открытым городом») с послом фашистской Италии А. Росо, глава правительства СССР В. М. Молотов сказал: «После серьезных ударов, полученных Англией и Францией, не только их сила, но и престиж упал, и господство этих стран идет к концу. Следует полагать, что голоса Германии и Италии, а также и Советского Союза будут более слышны, чем хотя бы год тому назад... Англия и Франция, как показывают события, с их старым политическим основанием не выдерживают испытания...»

Увы, с такой оценкой ситуации товарищ Молотов изрядно поспешил. 22 июня (странные шутки отпускает порой история...) 1940 года советский посол в Лондоне И. М. Майский докладывал в Москву: «Теперь уже можно с полной определенностью сказать, что решение британского правительства несмотря на капитуляцию Франции продолжать войну находит всеобщую поддержку населения... Паники нет. Наоборот, растет волна упрямого, холодного британского бешенства и решимости сопротивляться до конца».

В небесах, затем на море и на земле

Сухопутная армия Германии по всем параметрам (численность личного состава, дивизий, танков) обладала подавляющим превосходством над английскими войсками, развернутыми летом 1940 года на Британских островах. Огромный количественный перевес дополнялся и усиливался несравненно более высоким уровнем боевой подготовки солдат и офицеров вермахта. И если бы полторы сотни немецких дивизий смогли каким-то волшебным образом переместиться через Ла-Манш, то Соединенное Королевство постигло бы неизбежное и скорое поражение: не помогли бы

ни «упрямое бешенство», ни «решимость сопротивляться до конца».

Однако Ла-Манш, хотя англичане и называют его «каналом», представляет собой пролив шириной от 35 до 150 км, соединяющий (вместе с Па-де-Кале) Северное море и Атлантику, с настоящей морской волной и частыми штормами. Навести понтонный мост такой протяженности невозможно в принципе. Форсирование Ла-Манша — это морская десантная операция огромного масштаба. Несколько нарушая хронологию событий, напомним, что 6 июня 1944 года только для высадки первого эшелона войск союзникам пришлось задействовать 864 транспортных судна и 4126 десантных барж; для снабжения первого эшелона на нормандский берег ежедневно доставлялось 17 тысяч тонн грузов (содержимое 850 железнодорожных вагонов того времени).

В июле 1940 года после долгих дискуссий военно-политическое руководство Германии пришло к выводу, что немецкий флот сможет обеспечить переброску и последующее снабжение вермахта на Британских островах, но лишь при выполнении одного обязательного условия — люфтваффе должно завоевать абсолютное господство в воздухе над Ла-Маншем. За столь жестким требованием («абсолютное господство в воздухе») стояло не только понятное желание главнокомандующего кригсмарине адмирала Э. Редера снять с себя ответственность за возможный провал операции, тут был еще и вполне трезвый расчет. Даже той посудине, которая называлась «быстроходная десантная баржа», требовалось несколько часов для того, чтобы пересечь Ла-Манш. И она, в отличие от боевых кораблей, имевших броневые палубы и мощное зенитное вооружение, была совершенно беззащитна перед атакой с воздуха: первое же попадание фугасной авиабомбы могло стать для нее последним.

Таким образом, была определена вполне логичная последовательность действий. На первом этапе операции, в течение двух-трех недель, люфтваффе должно уничтожить самолеты и аэродромы Королевских ВВС на южном побережье Британии; затем в течение 10 дней происходит сосредоточение войск и переправочных средств в портах северной Франции и Бельгии и только после этого — завершающий победный бросок на английскую территорию. Вся операция в целом получила звучное название «Морской лев», предшествующее десанту авиационное наступление — «Атака орла», первый день массированных воздушных ударов — «День орла».

У Гитлера и его генералов были реальные основания для оптимизма. В то время (вторая половина 30-х годов), когда СССР и Германия вели бешеную гонку авиационных вооружений, англичане занимались теоретическими размышлениями и политическими дебатами. В результате к лету 1940 года, даже с учетом тяжелых потерь, понесенных во время французской кампании, люфтваффе по меньшей мере втрое превосходило по численности наличные силы Истребительного командования ВВС Великобритании.

В составе трех привлеченных к операции «Атака орла» воздушных флотов (2-й и 3-й в Нормандии, Бельгии и Голландии, 5-й в Норвегии) числилось: 51 бомбардировочная авиагруппа (полк), 26 истребительных авиагрупп и 9 авиагрупп, оснащенных тяжелыми двухмоторными истребителями Me-110. В начале августа 1940 года на вооружении этих частей в боеготовом состоянии находилось порядка 1300 бомбардировщиков (включая не менее 250 пикирующих Ju-87), 800 одномоторных и 200 двухмоторных истребителей (Vf.109 и Me-110). Стоит отметить, что по всем трем параметрам (число авиагрупп, общее количество самолетов, наличие боеспособных машин) эта группировка превосходила ту, что была развернута

утром 22 июня 1941 года у границ СССР. Причем если в июне 41-го на огромном по протяженности Восточном фронте перед люфтваффе поставили множество задач (завоевание превосходства в воздухе, огневая поддержка наземных войск, изоляция ТВД, разрушение транспортной сети в оперативном тылу Красной Армии, дальняя разведка), то в августе 40-го вся ударная мощь немецкой авиации должна была обрушиться на два-три десятка аэродромов, располагавшихся на 300-километровом пятачке юго-восточной Англии.

Истребительное командование британских ВВС могло противопоставить вражеской армаде 49 эскадрилий, в которых к 11 августа 1940 года имелось всего 620 боеготовых самолетов «Харрикейн» и «Спитфайр». При этом лишь меньшая часть эскадрилий (19 из 49) была вооружена «Спитфайрами», не уступавшими по основным ТТХ немецкому «Мессершмитту» Вf.109.

Все познается в сравнении. 22 июня 1941 года в группировке советской истребительной авиации Первого стратегического эшелона (ВВС пяти приграничных округов и двух флотов) насчитывалось более 250 эскадрилий, 3,5 тысячи летчиков и 4 тысячи исправных самолетов-истребителей...

Впрочем, главная проблема для англичан заключалась даже не в количестве самолетов (теоретически оно могло быть относительно быстро увеличено за счет собственного производства или закупок истребителей за рубежом), а в малочисленности летного состава. По самой максимальной оценке, то есть с учетом неопытных выпускников летных училищ, пилотов бомбардировочной и разведывательной авиации, срочно переданных в распоряжение Истребительного командования, на Британских островах к началу битвы насчитывалось порядка 1430 летчиков-истребителей. В руках этой горстки людей оказалась судьба огромного государства.

Всевидящее око

Обеспечить противовоздушную оборону постоянным — с рассвета до заката — патрулированием истребителей в воздухе было невозможно в принципе, в особенности принимая во внимание более чем скромное количество самолетов в британских ВВС. Отражение налета вылетом истребителей по тревоге ставило огромные, на первый взгляд — неразрешимые организационно-технические проблемы.

Лучшим самолетам-истребителям образца 1940 года требовалось 5–6 минут для того, чтобы взлететь и набрать высоту в 5 км. С ростом высоты полета скороподъемность поршневых истребителей падала, и набор высоты в 7–8 км требовал уже 10 и более минут. С другой стороны, крейсерская скорость типичного бомбардировщика той эпохи составляла порядка 100 м/сек. Таким образом, команда на взлет истребителей должна была быть подана как минимум в тот момент, когда вражеские самолеты находятся на расстоянии в 50–60 км от объекта атаки. Но этим объектом в августе 40-го стали аэродромы южного побережья Англии, а в 50 км перед ними (порой и гораздо ближе) была вода, разместить же в водах пролива сотни постов визуального наблюдения и оповещения не представлялось практически возможным.

Перед германскими бомбардировщиками открывался реальный шанс атаковать английские аэродромы внезапно, раньше, чем истребители успеют подняться в воздух. Конечно, командование британских ВВС могло перебазировать авиацию в глубь страны, за пару сотен километров от кромки берега, но с учетом весьма ограниченного радиуса действия истребителей это означало бы отдать без боя небо над Ла-Маншем немцам.

По единодушному мнению всех исследователей истории «битвы за Британию», англичан спасла свое-

временно разработанная и развернутая система раннего радиолокационного обнаружения. 18 радарных станций, размещенных вдоль всего южного и юго-восточного побережья Англии, обеспечивали обнаружение немецких самолетов на дальности в 100 и более километров, то есть за 15—20 минут до атаки. Эти локаторы, включенные в безукоризненно работающую, обеспеченную надежными линиями связи, гибкую систему оповещения и централизованного управления позволили Истребительному командованию с максимальной отдачей использовать свои малочисленные эскадрильи. Без такой системы, созданной в считанные месяцы, поражение британских ВВС было бы неизбежным.

Впрочем, не все было столь просто. Не стоит забывать о том, что представляли собой эти первые английские радиолокаторы. Основой каждой станции были две высоченные (105 футов, что соответствует высоте 9-этажного дома) неподвижные мачты. На мачтах были установлены многочисленные и столь же неподвижные приемные и передающие антенны. Хитроумное аналоговое устройство (гониометр) сравнивало сигналы от расположенных под разными углами антенн и таким образом с весьма сомнительной точностью определяло азимутальный пеленг цели. Сравнение сигналов, поступающих от нижней и верхней групп антенн, позволяло измерить и «угол места», то есть высоту полета цели. Вес комплекса составлял 35 тонн, на его монтаж и развертывание по нормативу требовалось 70 часов. В соответствии с традициями английского юмора все это называлось MRU-105 («мобильное радиоустройство, 105 футов высоты»).

О маскировке не могло быть и речи — «девятиэтажные» мачты на прибрежном холме были отчетливо видны с воздуха. Самое же печальное было в том, что система неподвижных антенн обеспечивала обзор

лишь в секторе 90 градусов по азимуту (причем по краям сектора дальность обнаружения значительно падала). В определенном смысле эти локаторы можно было сравнить с ДОТами простейшего типа, через амбразуру которых виден лишь строго ограниченный участок поля боя. Уничтожение любой из таких станций создавало разрыв в поле радиолокационного обнаружения, и закрыть эту брешь соседние станции не могли. По сравнению с советскими РЛС «Редут» и «Пегматит» (одноантенное, совмещенное на прием и передачу устройство кругового вращения с функцией определения скорости полета цели, время развертывания — 2 часа) английская MRU-105 смотрелась как деревенская телега рядом с «Роллс-Ройсом».

Общим и неизбежным недостатком первых локаторов метрового диапазона была низкая разрешающая способность, не позволяющая четко и достоверно оценить размер цели (то есть количество самолетов в группе). Практически это означало, что, принимая решение (а принять его надо было в считанные минуты), на командном пункте истребительной авиации никогда не знали точно, что именно обнаружил радар: небольшую отвлекающую группу или ударное соединение немецких самолетов.

Выход был найден в использовании весьма нетривиальной тактики: вопреки всем канонам военной науки, требующим создавать (или по меньшей мере стремиться к этому) численное превосходство над противником, командующий британской истребительной авиацией маршал Х. Даудинг запретил массированное применение истребителей. Едва ли не половину всех эскадрилий он держал на земле, вне зоны самых напряженных боев; по тревоге для отражения налета в воздух поднимали лишь одну-две эскадрильи. Многократное численное превосходство всегда было на стороне немцев, и не были редкими ситуа-

ции, когда это превосходство выражалось двузначными числами.

Эта на первый взгляд самоубийственная тактика оказалась единственно верной. Постоянно имея на земле значительный резерв самолетов, готовых к немедленному взлету, Истребительное командование могло наращивать силы в ходе развернувшегося воздушного сражения и за весьма редкими исключениями не пропустило ни одного удара бомбардировщиков люфтваффе незамеченным и безответным. В воздухе же огромное численное превосходство противника означало, что у английских истребителей никогда не было недостатка в объектах для атаки. Разумеется, нельзя назвать это всего лишь тактикой. Такая тактика стала возможной и эффективной лишь благодаря огромному мужеству и самоотверженности английских летчиков, которые без тени колебания направляли дюжину «Харрикейнов» на огромные тучи немецких самолетов.

Пятый интернационал

Нуждается в уточнении и определении «английские». В небе над Англией сражался подлинный антифашистский «интернационал» — сотни польских, французских, чешских летчиков.

Первым по результативности асом «битвы за Британию» (17 сбитых немецких самолетов) стал чех Йозеф Франтишек. Покинув Чехословакию после оккупации ее Гитлером, он воевал в составе польских ВВС, затем, после гибели Польши, присоединился к французам, а летом 1940 года записался в Первую польскую эскадрилью британских ВВС. Погиб в октябре 1940 года.

Четвертой по результативности эскадрилей Истребительного командования стала 303-я «польская» — за 6 недель боев, летая на «Харрикейнах», ее пилоты

сбили 44 самолета противника. В небе над Лондоном сражался Станислав Скальский — уроженец России, польский летчик, одержавший свою первую победу 1 сентября 1939 года, в первый день войны. Судьба была к нему милостива, и Скальский дожил до конца Второй мировой, записав на свой личный счет 21 самолет люфтваффе.

В списках польских героев британских ВВС обнаруживается и летчик по фамилии Шапошников (8 побед). Еще один «поляк» — князь по фамилии Голицын. Князь Голицын стал знаменит тем, что исхитрился сбить «Мессершмитт» на высоте более 10 км — сделать такое на «Харрикейне» технически невозможно, но, как говорят французы, *noblesse oblige* («благородное происхождение обязывает»).

И все же самый большой вклад в победу англичан внес, как мне представляется, выдающийся русский ученый, химик-технолог, генерал-лейтенант российской императорской армии, профессор В. Н. Ипатьев.

В годы Второй мировой войны английскую авиацию поднял в воздух великолепный роллс-ройсовский двигатель «Мерлин». Именно он был установлен на самых массовых типах британских истребителей («Харрикейн» и «Спитфайр») и бомбардировщиков («Ланкастер» и «Москито»). Лицензионная версия этого же мотора, выпущенная американской фирмой «Паккард», сделала возможным создание самого массового и, вероятно, самого лучшего американского истребителя «Мустанг». В последних модификациях мотор развивал кратковременную форсажную мощность в 2170 л/с при весе 725 кг. Двигатель для «Жигулей» при таких показателях весил бы всего 25 кг. В «Мерлине» это было достигнуто весьма простым путем. Двухступенчатый центробежный нагнетатель создавал очень мощный наддув (до 1,94 атм, в то время как у основных конкурентов этот параметр не превышал 1,3–1,45 атм).

Мощный наддув (соответственно высокая степень сжатия смеси в цилиндрах) потребовал использования бензина с октановым числом не менее 100. Даже самые совершенные технологии крекинга нефти не позволяли получить бензин такого качества. А это значит, что для изготовления авиационного топлива, пригодного для привередливого «Мерлина», требовались специальные антидетонационные присадки. И не в лабораторных, а в измеряемых тысячами тонн количествах. Такое вещество (изопропилбензол) и технология его промышленного синтеза были созданы в США группой русских химиков во главе с В. Н. Ипатьевым. Изопропилбензол Ипатьева исправно сгорал в моторах английских истребителей, выигравших «битву за Британию». Остается лишь добавить, что по странной иронии судьбы именно в екатеринбургском доме родного брата Владимира Николаевича — горного инженера Н. Н. Ипатьева прожил свои последние дни последний русский император.

Вот такой была история XX века: из страны Коминтерна в фашистскую Германию поступил 1 млн тонн нефтепродуктов, включая 196 тысяч тонн авто- и авиабензина, а из США, зловещего логова международного империализма, в сражающуюся против Гитлера Великобританию текла нескончаемая река изопропилбензола Ипатьева...

Небо в огне

Не отвлекаясь на схоластическую дискуссию о том, какой день лета 1940 года следует считать днем начала «битвы за Британию» (разные авторы называют и 8, и 12, и 13 августа, а то и 10 июля), напомним основную канву событий.

В понедельник, 12 августа, была произведена первая серия массированных налетов на аэродромы

в Южной Англии. В общей сложности 300 горизонтальных и пикирующих бомбардировщиков люфтваффе под прикрытием втрое большего числа истребителей нанесли удар по радиолокационным станциям и трем аэродромам Истребительного командования Королевских военно-воздушных сил. Пять РЛС получили серьезные повреждения (на их территории разорвалось несколько десятков авиабомб) и были выведены из строя. Образовавшиеся бреши в системе обнаружения и оповещения позволили немецким истребителям-бомбардировщикам Me-110 обрушить неожиданный удар на аэродром Манстон. Отчеты немецких летчиков почти дословно совпадают с тем, как в тысячах книг, статей и мемуаров описывается утро 22 июня 1941 года на советских приграничных аэродромах: «Истребители противника были выстроены по линейке. Наши бомбы падали прямо среди них... Отмечены прямые попадания 12 фугасных 500-кг бомб и 4 зажигательных 250-кг в ангары и казармы. Четыре 500-кг бомбы взорвались среди взлетающих самолетов...»

Принципиальное различие возникает лишь в описании последствий налета. Если советский авиаполк (дивизия, ВВС округа) после такого удара просто исчезает (как вариант — «перебазируется» из Белостока в Брянск), то английские истребители взлетают под градом бомб и принимают бой. На аэродроме Манстон было безвозвратно потеряно всего четыре «Спитфайра», бригады строителей в течение ночи восстановили перепаханное бомбами летное поле. Так же быстро были восстановлены и два других разрушенных аэродрома. Из пяти поврежденных РЛС четыре заработали уже к вечеру. Хуже было с передовым радаром в Вентноре (на острове Уайт), его восстановление потребовало 11 дней, однако англичане установили специальный УКВ-передатчик, который

имитировал работу этой станции. В результате немецкая служба радиоперехвата с изумлением обнаружила, что все пять «уничтоженных» во вчерашней сводке радаров исправно функционируют.

Еще более обнадеживающими для Истребительного командования были итоги воздушных боев. 12 августа англичане безвозвратно потеряли 22 истребителя, но при этом сбили 36 самолетов противника. На следующий день, 13 августа, все повторилось, но в увеличенном масштабе: 484 немецких бомбардировщика под прикрытием тысячи истребителей пересекли Ла-Манш и отбомбились по радиолокационным станциям и авиабазам. Серьезный урон был нанесен лишь двум аэродромам, но они принадлежали морской, а не истребительной авиации (ошибку допустили немецкая разведка и командование люфтваффе). Некоторые объекты нападения закрывали облака, и прицельное бомбометание оказалось вовсе невозможным. Итог воздушных боев: 47 сбитых германских самолетов (немецкими документами подтверждаются лишь 36) ценой потери 13 английских истребителей.

Днем самого ожесточенного противоборства стало 15 августа. Немецкая авиация совершила в тот день пять массированных налетов, в которых в общей сложности было задействовано рекордное число машин: 520 бомбардировщиков и 1270 истребителей. Впервые активное участие в битве принял 5-й воздушный флот люфтваффе, бомбардировщики которого под прикрытием дальних двухмоторных истребителей Me-110 атаковали аэродромы и склады боеприпасов в Северной Англии. На перехват большой группы вражеских самолетов (63 бомбардировщика He-111 под прикрытием 21 Me-110) англичане бросили одну истребительную эскадрилью, затем к ней присоединилась еще одна. В ожесточенном бою «Спитфайры» сбили шесть Me-110 и несколько бомбардировщиков. Лишенные

прикрытия «Хейнкели» были рассеяны и не смогли прицельно отбомбиться ни по одной из намеченных целей. Несколько более успешно действовало другое соединение 5-го воздушного флота: 50 двухмоторных Ju-88 вовсе без истребительного сопровождения уничтожили склад боеприпасов и 10 английских самолетов на аэродроме Дрифилд, заплатив за это потерей шести «Юнкерсов».

Главные же события дня происходили, как и следовало ожидать, на южном побережье. При отражении последнего, вечернего налета маршалу Даундунгу пришлось одновременно поднять в воздух 14 эскадрилий, 160 истребителей — необычайно много по меркам скудных резервов Истребительного командования. Немцам удалось серьезно разрушить три британских аэродрома и два авиационных завода в Рочестере, однако и цена этого успеха оказалась рекордной: 15 августа люфтваффе безвозвратно потеряло 76 самолетов!

Роковые решения

Такие потери совершенно не вписывались в первоначальные планы руководства германских ВВС, и Геринг вызвал командующих воздушными флотами в свое поместье в Каринхалле на «разбор полетов». В ходе совещания был принят ряд важных решений, что называется — одно краше другого.

5-й («норвежский») воздушный флот, бомбардировщики которого из-за большого расстояния до цели невозможно было обеспечить эскортом одномоторных истребителей, к участию в массированных дневных налетах более не привлекался. Таким образом, север Англии превратился фактически в зону отдыха и переформирования для британских истребительных эскадрилий, обескровленных боями у берегов Ла-Манша. В составе экипажей бомбардировщиков

люфтваффе приказано было иметь не более одного офицера, соотношение между количеством бомбардировщиков и прикрывающих их истребителей еще более увеличивалось в пользу последних. А поскольку количество боеготовых «Мессершмиттов» к тому моменту уже начало неуклонно сокращаться, такая осторожная (можно найти и другие эпитеты) тактика фактически привела и к уменьшению числа участвующих в налетах бомбардировщиков. Самое же сокрушительное решение содержалось в 9-м пункте директивы Геринга: «Сомнительно, существует ли какой-либо смысл в нанесении дальнейших ударов по радиолокационным станциям противника, учитывая то обстоятельство, что ни одну из этих станций нам не удалось до сих пор вывести из строя».

Строго говоря, в этих весьма двусмысленных словах не было прямого и твердого запрета, однако командующие воздушными флотами поняли это указание именно в подобном смысле, и налеты на РЛС вскоре прекратились — о таком подарке англичане не могли даже и мечтать. Другой, не менее значимый «подарок» британские истребители честно заработали сами.

Несмотря на большое число израсходованных самолето-вылетов и бомб, несмотря на красочные клубы дыма и пламени, поднимавшиеся над английскими аэродромами, реальные наземные потери самолетов были весьма малы (с 8 по 18 августа немцы смогли безвозвратно вывести из строя на британских аэродромах всего 30 истребителей). Англичане тщательно маскировали свои самолеты, укрывали их в ангарах и капонирах, защищали от осколков бомб земляными валами. Безвозвратно уничтожить самолет на земле удавалось лишь в случае непосредственного прямого попадания авиабомбы, но горизонтальным бомбардировщикам удавалось добиться такой

точности лишь в редчайших случаях. Единственным инструментом для поражения точечных целей, которым располагало люфтваффе, являлся пикирующий «Юнкерс» Ju-87. Однако по причине изначальных ошибок руководства германских ВВС этих самолетов в строю насчитывалось мало, а их производство в 1940 году шло неспешным темпом: 12 машин в неделю. 16 и 18 августа крупные соединения немецких пикировщиков нанесли ряд мощных (и достаточно эффективных) ударов по английским аэродромам, но и британские истребители в долгу не остались — 40 «Юнкерсов» было уничтожено безвозвратно, более 10 с трудом дотянули до французского берега. Геринг посчитал такой урон недопустимо высоким, и после 18 августа все Ju-87 вывели из зоны боевых действий. Желание минимизировать потери в очередной раз восторжествовало над стремлением к победе.

19 августа плотная облачность закрыла берега Ла-Манша, и британские ВВС получили долгожданную передышку. Итоги первой недели сражения оказались весьма противоречивыми. Да, очередной немецкий блицкриг не состоялся, и британцы изрядно потрепали люфтваффе (в воздушных боях сбито более 300 боевых самолетов). С другой стороны, англичане безвозвратно потеряли 213 истребителей (треть первоначальной численности), 154 летчика погибли, получили ранения или пропали без вести. Такая статистика не внушала оптимизма.

24 августа над югом Англии установилась ясная, безоблачная погода, и немецкое воздушное наступление возобновилось с умноженной силой. С 24 августа по 6 сентября удары крупных соединений люфтваффе (в среднем по 250 бомбардировщиков и 700 истребителей в день) ежедневно обрушивались на аэродромы и командные пункты британской истребительной авиации. В этой фазе «битвы за Британию» налеты против-

ника явно концентрировались в районе юго-восточного побережья Ла-Манша, подготавливая плацдарм для предполагаемого форсирования «канала».

Несмотря на усиливающуюся со всех сторон критику, командующий британской истребительной авиацией маршал Даудинг оставался верен своей тактике: сохранять на земле (в том числе и в далеких тыловых районах) значительный резерв, поднимая в воздух для отражения массированных немецких налетов лишь несколько эскадрилий. В результате каждый день сражения завершался тем, что совокупные потери немцев оказывались больше потерь Истребительного командования, однако, если судить только по числу сбитых истребителей, англичане уже начали проигрывать: с 25 августа по 6 сентября они безвозвратно потеряли 285 самолетов-истребителей, противник — 240. Кроме того, по меньшей мере 180 британских машин получили серьезные повреждения и временно вышли из строя.

«Эта война будет выиграна в заводских цехах...»

К началу сентября потери Истребительного командования (включая поврежденные самолеты) стали сопоставимы с исходной численностью. В отчетах немецких летчиков эти цифры были еще и многократно (в 3—4 раза) завышены, и командование люфтваффе с надеждой и нетерпением ждало того момента, когда авиация упрямого противника наконец-то закончится. Судя по арифметике докладов и разведсводок, этот момент уже должен был наступить. Однако фактически численность боеготовых самолетов и истребительных эскадрилий британских ВВС оставалась почти неизменной: 620 «Спитфайров» и «Харрикейнов» 11 августа, 646 — к 23 августа, 556 — к 1 сентября.